

Российская Православная Церковь

СУЗДАЛЬСКИЙ ПАЛОМНИК

№ 10

Цареконстантиновский собор
г. Суздаль

1991 г.

ВОЗЛЮБЛЕННЫЕ О ГОСПОДЕ ЧАДА РОССИЙСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ СВОБОДНОЙ ЦЕРКВИ.

Выслушав доклады Преосвященных Архиереев о положении Церкви и верующих в России на Соборе, который проходил в Преображенском скиту в Мансонвилле (Канада) и в Синодальном доме в г. Нью-Йорке (США), и понимая всю тяжесть вашего положения, Собор скорбит, что духовенство и верующие на Родине, пожелавшие принадлежать к Российской Православной Свободной Церкви, находящейся в юрисдикции Русской Православной Зарубежной Церкви, переживают ныне весьма трудное время.

Мы знаем, что на духовенство и верующих в России оказывает давление со стороны руководителей Московской Патриархии при полной поддержке представителей светской власти; общинам верующих не передаются храмы и молитвенные здания; поданные заявления на предмет передачи храмов и регистрации устава рассматриваются месяцами, а в результате, после долгих хождений по мукам, местные власти отказывают под предлогом, что указанный храм уже передан другой, мгновенно созданной, общине Московской Патриархии.

Обвинение в том, что Русская Православная Церковь Заграницей якобы вторгается на территорию исконно принадлежащую Московской Патриархии, мы категорически отвергаем, как обвинение беспочвенное. Мы считаем себя обязанными духовно окормлять ту паству, которая, изголодавшись, обращается к нам за духовной пищей, не находя ее у духовенства Московской Патриархии, срешшейся в своем сергианстве с безбожной властью.

Существующая практика — сговор между советскими лидерами и Московской Патриархией передавать сергианствующим храмы, молитвенные здания, святые мощи, иконы, церковную утварь и другие священные предметы — порочна, противозаконна и несправедлива.

Российская Православная Свободная Церковь имеет все моральные права получать храмы и священные предметы, находящиеся в государственных музеях; они должны быть возвращены истинно верующим людям, а не пособникам светской, некогда воинствующей безбожной власти.

Мы обращаемся к вам, нашей возлюбленной о Господе пастве и дорогим соотечественникам, со словом утешения и ободрения. Мы имеем великое средство, помогающее в тяжелых испытаниях —

молитву. Усугубляйте свои молитвы ко Господу Богу, Его Пречистой Матери и Святым Новомученникам, дабы Господь ниспослал Свою милость и помощь для преодоления тех козней, творимых отцом лжи, которые действуют разрушительно, через своих верных слуг — воинствующих безбожников.

Отчески призываем вас, богоспасаемая Российская паства, к неукоснительному исполнению своего христианского долга, к следованию заповедям Христовым.

Пастырей мы призываем к трезвой, рассудительной и богоугодной жизни, не быть соблазном для паствы, памятуя, что на Страшном Суде каждый даст ответ Господу за вверенную ему душу. Прежде всего необходимо иметь во всем рассуждение, ибо оно является матерью всех добродетелей. «Отвергнуть всякий грех» (Евр. 12) и принести покаяние «в своих прегрешениях» (Деян. 17, 30). Пастырю необходимо быть достойным примером словом, делом и житием, иметь внешнее благообразие и приобрести внутреннее благочестие; отвращать очи свои от соблазнов и не давать дремания очесем своим (Пс. 131), но блюсти «како опасно ходим» (Ефес. 5, 15).

В это нелегкое время мы возносим молитвы, дабы Господь помог вам достойно совершать свой жизненный крестный путь, памятуя, что, если Господь ниспосылает крест, то Он и дает силы для несения его (1 Кор. 10, 13).

Да благословит вас Господь по молитвенному предстательству Пречистой Своей Матери и Святых Новомученников Российских и да преумножит ваши духовные силы, чтобы всегда радоваться о Господе (Фил. 3, 1). Терпением вашим, по слову Спасителя, спасайте души ваши (Лк. 21, 19).

**ЧЛЕНЫ АРХИЕРЕЙСКОГО СОБОРА
ЛАЗАРЬ, АРХИЕПИСКОП ТАМБОВСКИЙ И АБОЯНСКИЙ
ВЕНИАМИН, ЕПИСКОП ЧЕРНОМОРСКИЙ И КУБАНСКИЙ
ВАЛЕНТИН, ЕПИСКОП СУЗДАЛЬСКИЙ И ВЛАДИМИРСКИЙ.**

*ПРЕОСВЯЩЕННОМУ ВАЛЕНТИНУ,
ЕПИСКОПУ СУЗДАЛЬСКОМУ И ВЛАДИМИРСКОМУ*

У К А З

Определением Архиерейского Собора Русской Православной Церкви Заграницей от 12 июля 1991 г. Вам вменяется в обязан-

ность организовать и открыть при Суздальском Епархиальном Управлении двухгодичные пастырские курсы, о чем и выдан настоящий указ.

Председатель
Архиерейского Синода
Митрополит **ВИТАЛИЙ**
Заместитель Секретаря
Архиерейского Синода
Епископ **ИЛАРИОН**.

*ПРЕОСВЯЩЕННОМУ ВАЛЕНТИНУ,
ЕПИСКОПУ СУЗДАЛЬСКОМУ*

У К А З

Определением Архиерейского Собора Русской Православной Церкви Заграницей от 8/21 октября 1991 г., Вы назначаетесь Правящим Архиереем с титулом СУЗДАЛЬСКИЙ И ВЛАДИМИРСКИЙ и Управляющим делами Российской Православной Свободной Церкви, с правом организации и приема приходов на территории Российской Федерации, что и удостоверяется нашей подписью с приложением Синодальной печати.

Председатель
Архиерейского Синода
Митрополит **ВИТАЛИЙ**
Заместитель Секретаря
Архиерейского Синода
Епископ **ИЛАРИОН**.

*ПРЕОСВЯЩЕННОМУ ВАЛЕНТИНУ,
ЕПИСКОПУ СУЗДАЛЬСКОМУ И ВЛАДИМИРСКОМУ*

У К А З

Определением Архиерейского Собора Русской Православной Церкви Заграницей от 11/24 октября 1991 г. Вы избираетесь членом Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей, о чем и выдан настоящий указ.

Председатель
Архиерейского Синода
Митрополит **ВИТАЛИЙ**
Заместитель Секретаря
Архиерейского Синода
Епископ **ИЛАРИОН**.

Каждому из нас знаком этот праздник — праздник Рождества Христова. Одним по родному, домашнему быту, другим по слухам, третьим по антирелигиозным выступлениям в застойные годы. И быть может не многим этот праздник известен, — как день явления Божества в мир. Рождение Христа-Спасителя, происшедшее почти 2000 лет назад в небольшом иудейском городке Вифлееме, знаменовало собой, что человеку открывается новая эпоха, новая жизнь. Чудесные обстоятельства этого события: появление новой звезды на небосводе, которую заметили мудрецы Востока — волхвы, радостная ангельская весть бедным пастухам, злоба и месть царя Ирода, бегство в Египет св. Семейства, все это вспоминается в истине высокаторжественный зимний праздник.

В России, в старину праздник отмечался двойко. Праздник церковный с предшествующими ему днями Поста, Сочельником и обычными по торжеству службами в храмах. Праздник гражданский с ряжаньем, гаданиями, катаньем на тройках и с ледяных гор.

Но мне, как церковному человеку, хотелось остановить Ваше внимание на празднике именно церковном.

Сорокодневный пост заканчивается Сочельником, в просторечии «сочевником» (от слова сочиво или кутья — обязательное блюдо в предрождественский ужин. Сочиво в этот вечер готовилось из варенных семян пшеницы, или гороха, или чечевицы, заправлялось медом, ванилью, украшалось изюмом, орехом, маком и прочими сладостями, количество которых доводили до 12-ти, по количеству месяцев в году. Варился мед или взвар. Значение приготовленных блюд следующее: кутья — сочиво, как известно, является блюдом поминальным и означало, что Бож. Младенец предназначен заранее быть закланным на Голгофе, взвар или мед в русском быту варили по поводу рождения дитяти. Приготовленные блюда ставились в св. угол на сено или просто на стол, но непременно на сено, которое служит напоминанием яслей Вифлеемских, в которые был положен Богомладенец Христос. Перед ужином зажигалась лампада у св. икон, свечи, молитвы читались вслух, затем молитву заключали добрыми пожеланиями друг другу и садились за угощение. Нужно заметить, что ужин начинался поздно вечером, после появления на небе первой звездочки.

А вот знаменитая Рожд. Елочка — весьма древний обычай для западных стран, к нам в Россию пришел сравнительно поздно, почти в начале XIX века, сначала в частных домах у иностранцев, а затем распространился повсеместно. Первая публичная елка была устроена в Петербурге в 1852 году. Сейчас уже немислимо праздновать Рождество без зеленой красавицы.

В Суздале, надо отметить, этот праздник отмечался сугубо торжественно, строго и церковно, без всяких нецерковных добавлений.

Пели и славильщики, и народ Рождественские ирмоса канона, тропарь праздника, кондак и «Любители убо нам».

Но с XVIII века в Россию стали проникать южные веяния — стали появляться стихотворные рацеи. Из Малороссии и Белороссии пришли колядки, которые народное творчество быстро переработав, сделало их типично русскими.

Успех этих традиций, славлений, хождения со звездой в полной мере обеспечивал городу и его населению Покровский м-рь. Со слов, уже ныне покойных Ев. Ар. Чельшевой, Марины Голубевой, Ирины Казаковой, настоятельницы м-ря иг. Мария Белаго устраивала для подопечных монастырю детям-сиротам рожд. праздники с пением колядок, чтением рацей иллюминацией. Эти праздники привлекали в м-рь и многих богомольцев, многие из которых стали заимствовать их и для своих семейств и для своих приходов.

В застойный период приходилось мне очень много выслушивать гневных замечаний и порой весьма раздражительных со стороны тех, кто усердно выполнял директивы в церковь подрастающее поколение не пущать. Но мы в приходе весьма старались, как можно эти trad. сохранить. Теперь этих ограничений, слава Богу, нет и всех, кто хочет послушать рожд. колядки и рацеи, могут посетить наш храм не только в Рожд. Соч. 6 января, но и в послед. дни Рожд. святков.

Свою краткую беседу хочу завершить молитвенным пожеланием: С наступающим Вас Рождеством, дорогие суздаляне!

Архимандрит ФЕОДОР.

СУЗДАЛЬ

(Продолжение.)

Начало в №№ 7, 8

Много, очень много было сделано бесменным игуменом за полвека честного и бескорыстного служения своей обители. Постоянно расширяясь, монастырь несколько раз перестраивался и заново укреплялся. Во много раз возрос численный состав его обитателей. А сколько событий оказался живым свидетелем и непосредственным участником этот мудрый старец! Сколько человеческих судеб прошло перед его глазами и по его благословиению! Ни к кому он не оставался равнодушным. Каждого согревал нескончаемым теплом своей безграничной и неподкупной любви к людям.

Он был одним из тех немногих избранных Божиих, кто непогрешимой честностью своей и последовательной праведностью еще при жизни обретает вечное бессмертие. Не потому ли преподобный Евфимий, пролежав в земле сто три года, не поддавшись тлению и не растворилось в ней. 4 июля 1507 г. были обретены святые мощи преподобного Евфимия и с того времени созданные его усилиями и его стараниями монастырь стал именоваться Спасо-Евфимиевым.

Нашим современникам, почти незнакомым с истинным содержанием монастырского бытия, очень трудно понять конечный смысл такой жизни. В самом деле, с 17 лет до 88 — это ведь 71 год сознательной жизни! И всю ее провести в монастырском затворничестве! Непостижимо! Кому это нужно! и зачем?

Подобные вопросы потому и возникают, конечно, не у всех, но у многих людей, что к оценке им неведомого они подходят с мерками обычного и для всех доступного. Они сравнивают свою, хорошо им известную жизнь с тем, о чем не имеют сколько-нибудь ясного представления, если имеют его вообще. Поэтому, например, многим нашим современникам монастырское затворничество представляется каким-то противоестественным, хотя чаще всего и вполне добровольным, отрывом от живой действительности, сознательным бегством от нее в мир нереальных; мифических представлений, в мир ограниченного познания жизни и полуфантастического постижения надуманных истин. А меж тем все это совсем не так.

Не только в России, но и во всем мире, монастыри долгое время были первыми школами грамотности. А порою — и родниками высокой образованности. Ведь именно из монастырских стен вышли многие виднейшие мыслители и ученые древнего Востока и античного Запада. Именно монастыри были владельцами самых больших и самых прекрасных по содержанию библиотек. Только монастыри сохранили миру подлинную науку в мрачный период европейского средневековья.

Разве не монахом был великий химик своего времени Бортольд Шварц из Фрейбурга? Разве не монахом был выдающийся революционер в науке Джордано Бруно? Разве вся русская наука, история и вся художественная литература как наиболее емкая разновидность искусства начинались не с монастырского летописания? И разве все это было бы возможно, если бы монастырская жизнь действительно являлась бы отрывом от живой действительности и бегством от нее в мир надуманных иллюзий?

Нет, монастырское затворничество никогда не было бегством от живой действительности. Иноческое подвижничество по идее было не уходом от мирской жизни, а торжественным шествием к ее истокам для праведного и бескорыстного служения людям.

Человеческое общество, сколь бы совершенным оно не казалось, всегда нуждалось в нравственных проводниках. Нуждалось в тех, кто не только словом, но и живым примером всей своей жизни вело бы его к моральному совершенствованию. Глубокий смысл жизненного подвига монаха в том и состоял, чтобы сознательным преодолением собственных слабостей перед любыми развращающими душу соблазнами заслужить высокое право стать таким проводником. То есть, вся его личная жизнь должна быть принесенной в жертву неизмеримой и абсолютно бескорыстной любви к людям, ибо только в такой любви сказывается подлинная преданность Богу.

Но прежде, чем придти к миру с такой силой духа, каждому, даже очень сильному человеку необходимо отойти от мира. Отойти, чтобы переосмыслить свое высшее назначение, чтобы переоценить все свои прежние идеалы и выработать в себе предельную невыскаательность и беспретенциозность в отношении к жизни. Для этого и необходим период келейного затворничества, или сознательного отшельничества, уводящего человека от греховной суетности мирских вожделений в лоно беспритязательного благоговейного умиротворения своей души.

Следует сказать прямо — на такое отшельничество способен далеко не каждый. Потому-то честное монашеское бытие и принято считать не иначе, как подвижническим. Но еще большим подвигом перед всем человечеством явится жизнь, отданная без малейшего остатка воспитанию и духовному возвращению таких нравственных проводников. Именно таким подвигом и была вся жизнь преподобного Евфимия в суздальском Спасо-Преображенском монастыре.

Может возникнуть вполне естественный вопрос, каждый ли из монахов так же честно и бескорыстно выполнил свой пожизненный обет? Каждый ли из них становился столь же кристально чистым и бескомпромиссным проводником человеческой нравственности?

Увы! Мера духовной силы и последовательной праведности да-

леко не у всех была равнозначной. Даже в душе не только пастырей, но и архипастырей иногда человеческое оказывалось сильнее — божественного. И, как правило, это происходило от непонимания изначального и конечного смысла религиозного вероучения. Такие пастыри и архипастыри порою сами того не подозревая, превращались не в проводников высокой нравственности, а в фактических ее гонителей, потому что вместо безграничной любви к ближнему они объективно проповедывали ненависть к нему. Лучшим примером тому как раз и может служить инквизиторская деятельность католического монашества в период европейского средневековья.

Всякий, даже малейший компромисс свободного духа в человеке пусть даже не со своей, а с чужой страстью господства неизбежно оборачивается непоправимой трагедией для огромного количества ни в чем неповинных людей.

Россия избежала ужасов средневековой инквизиции. Однако гибельная инерция нетерпимости коснулась и ее церковной жизни. Жуткие следы этой инерции остались и в Спасо-Евфимиевском монастыре.

Если при жизни преподобного Евфимия святая обитель была только горнилом неизмеримого человеколюбия, то при более поздних его приемниках к человеколюбию густо подмешалась ядовитая зараза откровенной ненависти. По указанию императрицы Екатерины II здесь был учрежден особый корпус для преступников против церкви. И хотя такой указ в корне противоречил христианскому всепрощению, монастырские настоятели не воспротивились ему. А ведь не могли не знать, что фактически это была самая настоящая тюрьма для неугодных государственной власти людей.

В самом углу внутреннего монастырского двора, находящегося за вторым поясом укрепленной каменной ограды, было выстроено мрачное здание с сырыми и холодными казематами, огороженное высокой каменной стеной. Не только никакой связи с внешним миром — даже доступа солнечному свету — почти никакого.

О скольких человеческих трагедиях могли бы рассказать эти потемневшие от времени плотные стены! Свидетелями скольких мук были они за несколько столетий! Сколько безутешных стеной заглохло в их каменных толщах...

Много всего вобрал в себя Спасо-Евфимиевский монастырь за долгие годы своего существования. Был он главной твердыней города, у неприступных стен которой не однажды козалась гордая слава русской ратной доблести. Рядом с монастырем в 1445 г. полегла славная дружина князя Василия Темного. Полегла вся до единого человека, но не уступила врагу ни йоты родной земли. Из его стен вышла целая армия честных и неподкупных пастырей-проповедников самого человеколюбивого религиозного вероучения.

Чистота высоких помыслов и горячая кровь бесчисленных жертв противоречиво-сложной российской истории — вот что приходит прежде всего на ум, когда подходишь к багрово-красным монастырским стенам, контрастно оттененным белоснежной рустовкой пилястр, кирпичных поясков и карнизов. Простое совпадение? Возможно! И все же очень трудно отделаться от этого гипнотически сильного впечатления. Что-то слишком уж много подобных совпадений встречается в исконно русской архитектуре! Так много, что невольно все они сами по себе приобретают значение глубокой символики, находящей, впрочем, полное определение в том, что воплощено в ее бессмертных произведениях.

Современный архитектурный ансамбль Спасо-Евфимиевского монастыря складывался постепенно и очень долго. Более двух с половиной столетий зодчие разных поколений вносили в него все новые и новые сооружения, воплощая в них свое понимание и всей русской истории, и той необычайно сложной роли, какую играла в ней эта суздальская обитель. И поныне в этом едином ансамбле четко дифференцировано как общее значение каждого сооружения, так конкретно-индивидуальное отношение к нему прежде всего самих зодчих, а стало быть — и всего народа, потому что русские зодчие никогда не были выразителями чуждых народу вкусов и представлений. Являясь плотью от плоти своего народа, его сыновьями и хранителями, они и в творчестве своем отражали только его разумение, только его бессловесно-красноречивый суд.

Центральным сооружением монастыря является Спасо-Преображенский собор, строительство которого было начато в 1507 г. на месте, где ранее стоял деревянный храм. Продолжалось строительство несколько лет. Его архитектурный замысел чем-то напоминает Рождественский собор Кремля, видимо потому, что выражает общую с ним религиозную идею. Однако решен этот замысел несколько иначе. Здание имеет менее напряженную конфигурацию за счет более спокойного соотношения высоты к внутреннему плану здания. И размеры его менее внушительные. Но — те же пять глав на стройных ротондочках, возвышающихся над четырехскатной крышей, та же конструкция купольного оформления.

В конце XVI в. (примерно в 1594—1595 гг.) к основному зданию собора было пристроено два совсем крохотных придела в честь преподобного Сергия, игумена Радонежского и второй в честь преподобного Евфимия суздальского — двух основателей наиболее крупных монастырей Северо-Восточной Руси.

В 1689 г. в Суздаль из Костромы были приглашены известнейшие в то время мастера настенной живописи Гурий Никитин и Сила Савин. За несколько месяцев упорной работы они покрыли все внутренние стены собора фресковой росписью. Целые ряды святых икон, расположенных друг над другом, оживляют почти всю исто-

рию христианства и по-своему оригинально раскрывают множество библейских тем. Есть тут и портреты знатнейших соотечественников. И хотя фрески были «поднавлены» спустя 176 лет после их создания, то есть в 1865 г., они до сих пор не утратили своей художественной ценности.

Монастырская колокольня, если как ее принято называть, — звонница была построена немного позже самого собора и отдельно от него. Достаточно высокое и стройное столпообразное сооружение с небольшим шатровым куполом выглядело несколько сиротливо в стороне от собора и поэтому к нему была пристроена галерея, состоящая из трех арочных пролетов. Но и с этой пристройкой звонница воспринимается как совершенно самостоятельное сооружение, хотя и не нарушает общей гармонии.

Чуть в стороне от собора возвышается тонкий кирпичный шатер трапезной Успенской церкви. Сверху шатер традиционно увенчан легкой маковкой крохотного грушевидного купола, и потому сам шатер воспринимается не как купол, а как продолжение здания церкви, таянственно возносящейся в свободный простор неба. Хороша эта церковь при вечернем освящении, когда лучи уходящего солнца покрывают ее светло-багряной позолотой и купол становится как бы прозрачным от яркости своих продольных граней.

А вот надвратная Благовещенская церковь, хмуро возвышается над поясом монастырских укреплений, производит совершенно иное впечатление. Она всем видом рождает скромное чувство какой-то обреченности. Высоко поднявшись над широким, но приземистым арочным проемом, она давит тяжестью своих мощных и почти глухих стен, и как бы взывает к милости Господней о своей печальной судьбе.

Сперва недоумеваешь — ведь церковь-то Благовещенская! Как-то же должно быть светлее и радостнее? Откуда же эта скорбь и безысходность внешнего облика? Даже начинаешь подумывать — уж не иноземные ли зодчие возвели ее здесь? Русские не потерпели бы такой тяжеловестности и тем более — над входным проемом! В него ведь и входить страшновато — того и гляди — раздавит.

И лишь поглубже вдумываясь, начинаешь понимать — весть о появлении была ведь и вестью о великих страданиях, назначенных Сыну Божьему — Иисусу Христу задолго до Его рождения. Непобедимость этих страданий и отражена во внешнем облике церкви. В них — предначертанность обреченности и ее безысходность. А ведь ворота, расположенные под церковью — это дорога к самому скорбному уголку монастыря — к «особому корпусу», учрежденному жестокосердной императрицей. И зодчие столь угрюмым сооружением над входом в этот печальный дворик столь откровенно осудили самое существование его в пределах святой обители.

Да, весьма красноречивым становится язык архитектурных форм, когда научишься понимать их каменные глаголы! Только разве можно рассказать обо всем, что поведают тебе в одиночестве эти вековые громадины?

Неторопливо идя от сооружения к сооружению, внимательно всматриваешься в неповторимый облик каждого из них и, вспоминая все, чему они были свидетелями за долгую свою жизнь, начинаешь всем существом своим ощущать живое дыхание истории давно минувших веков. Сколько сил и пота, сколько ума и сноровки, догадки и изобретательности навеки вложено в каждое сооружение!

Величественные и могучие крепостные башни одна за другой побрели вокруг древней твердыни, словно дозорные, чутко оберегающие свой ратный бивуак. А между ними плотным заслоном протянулась более, чем полукилометровая стена с бойницами. Сознаешь всю неприступность и неодолимость этой стены, а меж тем не чувствуешь в ней обычной для подобных сооружений тяжеловесности. Узеньким кирпичным выступом, как легким шнурочком, протянулся цокольный поясок. Ровный ряд нешироких амбразур, издали напоминающих не столько проемы, сколько незамысловатой формы модульоны, да простой карнизик по самому верху — все это больше напоминает садовую изгородь или кирпичный забор вокруг богатой усадьбой очень состоятельного владельца, нежели крепостное укрепление. И как бы довершая сходство, каждую бойницу оживляет несложный, но аккуратно выполненный орнамент каменной резьбы, вроде бы так-себе, для красоты. А меж тем все это преднамеренно сделано, чтобы создавать впечатление легкости сооружения, невесомости ее каменных громадин. Уж такова особенность русского вкуса — не терпит он ничего громоздкого и тяжеловесного. Возможно, надвратная Благовещенская Церковь Спасо-Евфимиевого монастыря составляет собою единственное исключение, да и то отнюдь не случайное.

Об удивительных архитектурных памятниках города Суздаля, как и о самой его истории, неотделимо вплетенной в общенациональную судьбу, можно рассказывать бесконечно. Никакими объемами самых увесистых книг невозможно охватить всего, что скрывается не только за всеми его храмами и монастырями, но и за каждым бытовым строением, за каждым жилым домиком. Тем более невозможно передать всю глубину чувств рождающиеся при встрече с этими восхитительными произведениями подлинного искусства, всего содержания раздумий, навеваемых этими встречами. А ведь чтобы значил сам по себе любой памятник, если бы он не будил в душе эти чувства, если бы он не навевал сознанию эти раздумья!

Подлинная сила искусства в том и состоит, чтобы своими про-

изведениями пробуждать в человеке те же страсти и те же думы, которыми жил автор при их создании. Только такое искусство может чему-то научить, может раскрыть неведомый и таинственный духовный мир каждого творца-художника или архитектора.

Видимо, самое важное, что следует понять каждому из нас, как раз и состоит в том, что памятниками национальной старины следует не просто любоваться, — много ли проку в пустом любовании! — по ним следует познавать скрытую временем подлинную суть всех тех исторических событий, которые предопределяли собою как появление самих памятников, так и возникновение общенационального характера нашего народа, предопределили неповторимое своеобразие и самобытность всей нашей национальной культуры.

Мало, очень мало — увидеть и удивиться. Совсем недостаточно — ходить по городу и на каждом шагу охать и ахать от восхищения, хотя конечно же поводов для такого восхищения здесь больше, чем достаточно. Нет, надо именно понять и всем своим существом прочувствовать — что же скрывается за этой немеркнувшей красотой. Понять — что же предопределило ее в долгой и противоречиво-сложной истории нашего отечества, и о чем именно она постоянно будет напоминать людям, которые сумеют постичь ее глубочайший смысл.

Вполне понятно, почему все многочисленные посетители Суздаля прежде всего говорят о его сказочной красоте. Значит, внешний облик города, складывающейся главным образом из его многочисленных памятников и архитектурных ансамблей, вызывает именно такое ощущение. Но вот что интересно: когда начинаешь спрашивать у посетителей — что же именно они считают красивым в каждом из храмов, или в каждом из ансамблей, то чаще всего замечаешь, как эти люди впадают в невольное замешательство или как на их лицах отражается внезапное напряжение мысли. И то, и другое ясно свидетельствует о неожиданности подобного вопроса и о неподготовленности к ответу на него. Видимо поэтому и самые ответы оказываются сбивчивыми, тягостно-расплывчатыми и конечно же лишенными какой-либо конкретности.

Свято-Покровский женский монастырь в г. Суздале до сих пор стоит, как живое воплощение парадоксально-нелепого трагизма русской истории, не только не скрашиваемого, но даже усиливаемого печально-девственной красотой своего внешнего облика. Все в этом облике сияет прозрачной чистотой и незапятнанностью, словно и не из камня изваянно, а соткано из горячих и чистых материнских слез.

Необычен монастырский собор Покрова Божией Матери. Он прежде всего необычен своей асимметрией. Хотя в плане собор, как и Рождественский в Кремле, имеет почти квадратное построение,

возглавляет его не пять, а только три купола скорее византийской нежели русской конфигурации.

Следует обратить внимание, что и порталная галерея имеет только три арки. И алтарный абсид — тоже три. Тройное же членение и у высоких белоснежных стен, рифленых, словно струйками слез, продольными каннелюрами, над которыми возвышается опять-таки по три с каждой стороны чуть заостренных кверху тимпана, обнесенных легкими карнизными напусками. Мощный центральный купол покоится на просторной ротонде, окруженной снизу, словно царственной диадемой, величественной кирпичной короной. А рядом с центральным куполом светлеют две ротондочки чуть меньших главок, возвышающихся над алтарной стеной.

Здесь прослеживается совсем иная символика, нежели в Рождественском и Преображенском соборах. Зодчий увидел подлинную красоту не в симметрии, а в гармонии форм, символизирующих три ипостаси единого Бога. И эта символика выступает здесь как истинно божественная реальность, воплощенная в земном сооружении и многократно оплаканная потаенными слезами невинных мучениц, обитавших в монастыре. Оплаканная — потому, что жизнь храма, хотя и устремлена к триединому Богу, протекает в забвении его заповедей, не донесенных сюда четырьмя евангелистами.

И все же зодчие остаются верными своей национальной традиции. В соборе нет никаких признаков нарочитого украшения. Карнизные сухари и настенные каннелюры — это отнюдь не украшение. Они подчеркивают скорбь и слезы заточенных в обитель безвинных невольниц.

Нет никаких украшений и фресковой росписи и на внутренних стенах собора. Та же молчаливая строгость и непритязательность, то же смирение перед неминуемой судьбой. Но именно эта непостижимая красота предельной простоты и трогает душу до слез. Именно в ней и чувствуешь обреченность воспетого высоким искусством проникновенного зодчего.

Да, это и есть то подлинное искусство, которое несет в себе отнюдь не наслаждение, а горестную правду самой что ни на есть реальной жизни.

Та же белоснежная чистота и нетронутость чувствуется и в надвратной церкви Благовещения Богородицы. Но в ней и следа нет хмурой тяжести и бессловесной угрюмости, которую мы наблюдали в надвратной церкви Спасо-Евфимиевого монастыря. Напротив, она — спокойно-величава и трогательно-грустна, как ранняя чайка на уступе скалы где-то, возле бушующего моря. Здесь та же символика обреченности, та же боль бессильного сострадания, хотя все это и выражено несколько свободнее, нежели в соборе.

Откуда же эта боль бессильного сострадания зодчих к тем, для кого они своим же творческим гением создавали обитель неволи?

Ответить на этот вопрос не так уже и сложно, если вспомнить, что зодчие древней Руси и сами-то были, как правило, несвободными людьми. Их выбирали из массы крепостного крестьянства, тысячами душ дарованного князьями и первыми русскими царями для содержания монастырей. Кому же было и понимать цену подневольной жизни, если не крепостному человеку? Тем более, что каждому зодчему была хорошо известна история почти каждой знаменитой монахини, обитавшей в этой прискорбнейшей из суздальских обителей.

Как известно, Свято-Покровский монастырь был создан еще в 1364 г. Как и все другие русские монастыри, сперва это был совсем небольшая обитель с бревенчатым храмом и такими же надворными постройками. Территория монастыря была надежно огорожена тыновыми укреплениями из бревенчатого частокола. Но с годами обитель разрослась. Увеличивался количественный состав ее обитательниц. Среди них стали появляться первые опальные представительницы княжеских семей. Нет, не щадило княжеское своеволие женской гордости своих жен и дочерей, если они оказывались прямой или косвенной помехой для эгоистических стремлений властелина.

С начала XVI в. деревянные постройки монастыря стали заменяться каменными. Особая слава в этом преображении принадлежала Московскому князю Василию III. Как свидетельствуют летописи, это на его средства был построен и Покровский собор, и Благовещенская с Зачатьевской церкви. Были построены и некоторые другие здания.

Чем же можно было объяснить столь расточительную щедрость князя? Может быть, и в его душе проснулось бессильное сострадание к невольным пленницам святой обители? Увы! Непрístupные монастырские стены могли скрыть правду от кого угодно, только не от тех, кому довелось их перестраивать. Зодчие и мастера скоро узнали, что отнюдь не сострадание к богоугодным послушницам мучали князя, а запоздалый голос его собственной совести. Среди монастырских затворниц безвинно томилась и его первая жена, небывалой красоты и ума женщина, заточенная сюда своим жестоким мужем и прожившая в монастыре весь остаток своей жизни. И потекла по Руси тайная молва, овеянная имя красавицы Соломонии Сабуровой загадочными легендами.

Бог весть, где в этих легендах кончалась горькая правда и начинался досужий вымысел! Важнее пожалуй то, что народ верил в страшную судьбу этой удивительной женщины и относился к ней с глубоким почтением.

Соломония происходила из боярского рода Сабуровых генетическими корнями своими уходившего в Золотую орду. В начале XIV в. один из потомков мурзы Четы принял христианство и при

крещении получил фамилию Зернов. От него пошло потомство русских бояр Зерновых. У одного из Зерновых была два сына — один по имени Иван был прозван Годуном, а другой Феодор был прозван Сабуром. От них и взяли начало два боярских рода — Годуновых и Сабуровых.

Соломония была дочерью Юрия Константиновича Сабурова. Рано осиротев, она воспитывалась у своей тетки и даже не ведала, какая страшная судьба уже была уготована ей в этом безжалостном мире.

Молодой князь Василий, сознавая свое право на российский престол, мечтал жениться на какой-нибудь европейской принцессе, как того требовала традиция августейших семейств. Однако европейские государи очень неохотно отдавали своих дочерей в далекую, по-азиатски диковатую Русь. Поэтому, по заинтересованному совету одного из своих приближенных Юрия Трахоната Василий Иванович решил выбрать себе спутницу жизни из своих же подданных. Чем же они хуже европейских!

Можно себе представить красоту и грациозность Соломонии Сабуровой, если именно на нее пал выбор князя, на единственную из полутора тысяч девиц, представленных на его тайное обозрение. Венчание молодых состоялось 4 сентября 1505 г.

Более двадцати лет прожили супруги в любви и согласии. Потом их совместная жизнь стала все более омрачаться бездетностью их брака. Князь все более охладевал к своей жене, боясь, что из-за бесплодия Соломонии русский престол останется без наследника. Наконец, науськиваемый честолюбивым боярством, он принимает решение расторгнуть брак с бесплодной супругой, чтобы жениться вторично.

Однако московское духовенство воспротивилось этому решению. Двоебрачие вообще, а для особ княжеского положения в особенности, не совмещалось с нормами религиозной морали. Не дали своего благословения на развод князя и патриархи к которым он обратился со своим ходатайством. А Иерусалимский патриарх Марк даже напороочил князю Василию, что если он женится вторично, то по вине его наследника все царство русское будет повергнуто в братоубийственную свару и земля русская не раз обгадится кровью невинных жертв.

И все же князь не внял разумным советам. Он решил, не расторгая брак официально, постричь Соломонию в монахини. В этом решении поддержал его Московский митрополит Даниил. Новопостриженную инокиню назвали Софией и поместили сперва в Московский Рождественский монастырь, а затем тайком перевезли в Суздальскую Покровскую обитель.

Но разве есть что-нибудь тайное, что со временем не стало бы явным? По московской земле пополз недобрый слухок, что якобы

княгиня Соломония во время пострижения в монашество носила под сердцем сына, и что сын тот родился в Суздальском Свято-Покровском монастыре и назван Георгием. Скоро ли, поздно ли слух дошел и до князя Василия, к тому времени уже вступившему в сардонический брак с польско-литовской княжной Еленой Глинской и уже ожидавшего от нее наследника своей великокняжеской власти. Неожиданная весть напугала князя, потому что в случае ее достоверности, еще не родившийся наследник утрачивал всякую надежду получить после смерти отца его престол. Срочно была создана специальная комиссия с тайным заданием умертвить сына Соломонии, если он действительно существует.

По свидетельству одного из известнейших русских историков и этнографов конца XIX в. Николая Николаевича Костомарова, изложенного в его историческом романе «Кудеяр», следственную комиссию возглавил ближайший сподвижник князя Василия боярин Иван Шигоня-Поджогин. Это ему было дано задание умертвить младенца. Однако, увидев исполненные ужаса кроткие глаза несчастной матери, Шигоня Поджогин не нашел в себе силы учинить столь греховное злодеяние. Однако и оставить ребенка при матери он также не мог. Да и бессмысленно было таить младенца в стенах монастыря. Соломония хорошо понимала, что разлука с любимым первенцем неизбежна и потому, преодолевая всю горечь этой разлуки, все же дала согласие увезти сына, чтобы тайно передать его на воспитание надежным людям и тем самым сохранить его жизнь.

Князю было доложено, что ребенок действительно был, но его рано прибрал к себе Господь и мальчик похоронен в монастырской усыпальнице, возле покровского собора. Князя Василия это сообщение успокоило вполне. Но самого Шигоню-Поджогина всю жизнь мучила совесть за невольное преступление, учиненное несчастной матери. Свое сподвижничество с князем он увидел в новом для себя неблагоприятном свете. И чтобы искупить свои невольные грехи перед Богом, Шигоня-Поджогин в конце своей жизни ушел в монастырское уединение.

Прошло много лет. И вот однажды судьба свела старого странствующего монаха со смелым и сильным разбойником Кудеяром. Тем странником был боярин Шигоня-Поджогин. Он узнал в Кудеяре сына покойной Соломонии Георгия и поведал ему правду о его великокняжеском происхождении.

Хотя это свидетельство подвергали серьезному сомнению такие историки, как Карамзин, Соловьев и Устрялов, народ все же верил ему. И это вполне объяснимо. Костомаров был человеком более демократического и либерального направления, нежели его оппоненты.

Как бы там ни было, но загадка материнской трагедии Соломо-

нии Сабуровой так и не осталась разгаданной. А меж тем, уже в наше время, в 1934 г. в усыпальнице Покровского собора, рядом с гробницей Соломонии была обнаружена маленькая могилка, в которой покоилась обыкновенная, богато наряженная кукла. Смысл этой находки не разгадан до сих пор. Однако вовсе не исключенная возможность, что эта кукла и была подобием того детского трупа, посредством которого инсценировались похороны якобы умершего сына Соломонии Георгия, на самом деле увезенного из монастыря боярином Шигоней-Поджогиным.

Но вот что действительно любопытно — страшное пророчество Иерусалимского патриарха Марка все же сбылось: по вине наследника князя Василия, рожденного от второго брака, в самом деле в русском царстве наступил ужас братоубийственной свары. И русская земля действительно не раз обогрела кровью невинных жертв. Ведь тем наследником был первый русский царь Иван Васильевич Грозный с его жестокой и кровавой опричниной.

Много, очень много могли бы рассказать холодные стены Свято-Покровского монастыря, по воле злого Рока издавна ставшего местом пожизненного заключения для множества знатных особ, не сумевших удержать свое положение в шатком и бессердечном мире земного господства. Имена их в большинстве случаев забыты навеки. Лишь о некоторых глухо упоминают немногочисленные летописи.

Как и его своевольный отец, не пощадил свою законную супругу и Анну Васильчикову и сам Иван Грозный. Остаток дней своих она тоже провела в Свято-Покровском монастыре. В 1622 г. здесь же безвременно закончила свое существование Ксения Годунова. А в 1698 г. горестную судьбу множество своих предшественниц разделила первая жена Петра I Евдокия Лопухина, виновная только в том, что могущественному царю мужающей России пришлось по сердцу другая спутница жизни.

Печальным напоминанием о тягостных годах пребывания в этой обители дважды несчастной женщины стоит на отшибе, против окошка ее бедной кельи храм в честь святых апостолов Петра и Павла, в которой Евдокия Лопухина учредила Алексеевский престол для вечной памяти о единственном сыне своем цесаревиче Алексее, казненном по благословению отца за измену российскому государству.

Впрочем, по разумению Лопухиной, деяния царевича Алексея были изменой лишь в оценке самого отца да его приверженцев. А для страждущего материнского сердца стремления сына к царствованию на Руси ничем не отличались от такого же стремления ее немилосердного мужа. Каждый властитель прав по-своему, и только перед его правотой оказываются неправыми все несогласные. А кто мог бы доказать матери, что ее сын меньше пекся бы о процве-

тани державы? Кто уверил бы ее, что в сердце сына было меньше любви к родной земле? Кто может судить о том, чему не довелось свершиться?

Потому и скорбела опальная царица о загубленной жизни любимого чада. И до последних дней своих молила Бога о спасении его мученической души. И та неслышимая миром скорбь до сих пор гулко отдается в холодной пустоте оставленной людьми и потемневшей от времени храме святых апостолов Петра и Павла. Не потому ли так задумчиво-грустен и так щемяще-печален его непритворливо-скромный облик?

Многовековыми свидетелями оказались Свято-Покровский, и Спасо-Евфимиевский, а может быть и некоторые другие суздальские монастыри, из числа навсегда исчезнувших с лица его земли. Много могли бы рассказать они о разных судьбах наших далеких соотечественников, если бы все наши люди бережнее относились бы к своей национальной стране, если бы они в нужный момент оказались бы способными понять что во вчерашнем дне истории закладывалась объективная сущность и ее сегодняшнего и завтрашнего дня. Именно поэтому и нужно всегда очень бережно сохранять все, что способно рассказывать о давно минувших временах. Нужно не просто наслаждаться красотой памятников национальной старины, а внимательно вслушиваться в их натруженный и негромкий голос, вещающий правду о жизни давно минувшей, но оставившей на этой земле свои семена, одни из которых дадут здоровые и нужные всходы нашего национального богатства и духовной гордости, а другие — ядовитые ростки наших извечных пороков и бед. Только хорошее понимание того и другого, проверенного горестным опытом давно канувших в вечность поколений может помочь нам, как и всем другим народам, содержать в благодатной чистоте живую ниву нашего сегодняшнего бытия.

Именно поэтому чувства особого удовлетворения вызывает существование в Суздале научно-реставрационных мастерских, многолетним и бесменным руководителем которых является большой знаток и опытейший реставратор русской старины Михаил Михайлович Шаронов. Под внимательным наблюдением и при непосредственном участии много лет подряд ведется огромная работа по спасению наиболее ценных памятников не только каменного, но и деревянного зодчества.

В Суздале, на месте давно исчезнувшего Дмитриевского монастыря, создан целый музей под открытым небом, в котором представлено множество памятников древнерусского деревянного строительства. Из разных уголков Владимирской области сюда привезены наиболее характерные как по своему внешнему облику, так и по своему построению такие сооружения, как например, изба русского бедняка, дом середняка, а рядом с ним — зажиточного кре-

стьянина. Здесь же можно увидеть старинные ветряные мельницы, амбары и даже — надворный колодец.

В каждом таком сооружении легко угадываются основные особенности и вековые традиции русского национального зодчества. Высокое мастерство русских умельцев, их профессиональная изобретательность и творческая фантазия проявляют себя здесь не в украшательской затейливости, а в глубокой продуманности и целосообразности каждой детали, в ее предельной простоте и точности, в ее незамысловатости, легкости и вместе с тем — надежной прочности. Изучая это поразительное мастерство, ясно чувствуешь — таким умельцам, конечно, было по плечу любое чудо строительного искусства.

И как бы в подтверждение такого вывода, в этом же поднебесном музее представлены деревянные храмы не Суздальского происхождения. Один из них — храм Преображения Господня — был срублен в конце XVII в., а точнее — в 1716 г., и перевезен сюда из села Козлятьево для более надежной сохранности, а другой — небольшая Воскресенская церковка из села Потакино, срубленная в 1776 г. Оба эти памятника по своему композиционному решению, по стилю исполнения и по особенностям купольного оформления чем-то напоминают известные всему миру бревенчатые храмы Кижей. И в каждом из них исполнительское мастерство и художественный вкус доведены до совершенства.

Ведь надо же подумать — обычная сельская церковь! Сколько тысяч было создано их по бесконечным просторам Руси! А ведь ни одна не оказалась обыденно заурядным сооружением. Сколько души, сколько неизмеримой любви было вложено в каждую! Вот уж действительно — в каждой воплощено все то лучшее, на что был только способен смекалистый и расторопный русский человек.

И невольно задумаешься, говорим-то вроде бы только о высочайшем строительном мастерстве, а меж тем самое совершенное зодчество обнаруживаем именно в храмах. Ведь в самом деле, какие сооружения составляют лучшие образцы нашей национальной архитектуры? Конечно, — храмы! Что мы называем, говоря о лучших памятниках русской старины? Опять-таки — храмы! А ведь и древняя Русь, и молодая, и еще не зараженная влиянием западничества Россия строила не только храмы. Стало быть, в храмах действительно воплотилось самое лучшее из творческих возможностей нашего народа. Случайно ли это?

Нет, не случайно. Ведь в том-то и дело, что подлинное искусство, то есть, искусство выполняющее свое объективное назначение, в конечном итоге является выражением религиозной сущности человека. Наиболее совершенными произведениями искусства оказываются те, в которых отражаются наиболее бесспорные идеи, то

есть, — идеи, в глубочайшую верность которых безоговорочно верит художник.

Отсюда само по себе напрашивается вывод — основная идея христианского человеколюбия, принесенная в Россию православием, как раз и явилась тем основным духовным источником, из которого черпали свое творческое вдохновение все первые зодчие древней Руси. И это было отнюдь не преходящей модой и даже не обычным подражанием уже существующему. О моде не может быть речи уже потому, что русские зодчие сами себя не считали деятелями искусства. Они чувствовали себя просто мастерами и ремесленниками, и для них храмостроительство явилось делом их профессиональной чести и вместе с тем — делом их национальной гордости. Радость своего труда они видели в общественном признании его результатов.

Общественного Признания! Что значит — общественного? Значит — всего православного люда, а не только какого-нибудь одного сословия. Потому-то они и не оказывались покорными слугами случайной моды, или же — платными угодниками сословного каприза, а выражали в своем творчестве свой собственный вкус и свое собственное понимание, полностью совпадающее со вкусом и пониманием общенародным, то есть — выражали извечное понимание всех представителей православного мира начала своей жизни как дара Божьего.

Таким образом архитектурные памятники русской старины — это не просто продукция высокого мастерства и не только абстрактные произведения пусть даже подлинного искусства, — это прежде всего, духовная сущность наших далеких предков, воплощенная в объемы и формы самых дорогих для их души сооружений. И только этим можно объяснить высочайшее совершенство русского национального зодчества, обнаруживаемого нами сегодня именно в храмостроении, а не в каких-либо иных типах сооружений. Именно созданию храмов отдавали наши предки наибольшую меру своего усердия и старания, всю искренность и бескорыстность своей любви и всю силу своего творческого гения.

Причем, отдавали не только те, кто силою своего творческого воображения, собственно, и создавали эти шедевры, не только те, кто принимал в их сознании непосредственное трудовое участие, но даже и все те, кто казался бы мог быть только пассивным наблюдателем процесса строительства. А меж тем, их наблюдение всегда носило весьма активный и заинтересованный характер. Нередко такие наблюдатели делали весьма уместные замечания строителям и давали очень полезные советы, не посчитаться с которыми было просто невозможно.

Строительство каждого нового храма всегда приобретало значение общегородского события. Строил как бы весь народ. А ино-

гда горожане сами становились инициаторами и вдохновителями создания нового храма. Так, например, у самого въезда в Суздаль со стороны Владимира, с правой стороны дороги, в том месте, где когда-то давно располагался Введенский монастырь, и ныне стоит Знаменская церковь, построенная в 1749 г. на средства, добровольно собранные прихожанами. А рядом с нею красуется небольшая Ризоположенская церковка, построенная в 1777 г. на деньги, пожертвованные купцами Зубковыми.

И это, разумеется, не единственные храмы, построенные на добровольные пожертвования горожан. Старожилы утверждают, что таких храмов было несколько, но к сожалению они не дожили до наших дней.

Кажется, нет необходимости доказывать, что столь обильное строительство церквей в Суздале определялось отнюдь не эстетическими соображениями. То есть, цель создания храмов не сводилась к украшению города. Красота этих храмов возникала непреднамеренно, хотя и вполне закономерно, не как цель, а как естественное следствие выражения самого светлого и прекрасного чувства, постоянно теплившегося в душе каждого верующего жителя города.

По признанию большинства нынешних посетителей Суздаля, одним из самых прекрасных храмов города является храм святого благоверного и ранеоапостольного царя Константина, расположенный в центре города, недалеко от торговых рядов, рядом с церковью Скорбящей иконы Божией Матери. Кстати, оба эти храма возрождены к жизни и сейчас представляют собою не музейные реликвии, а живое напоминание о некогда очень активной религиозной жизни города.

Кто был непосредственным создателем Цареконстантиновского храма не известно. Однако его художественный стиль, манера исполнения и, главное, — религиозная символика и способы ее выражения дают право предполагать, что строили его те же мастера — зодчие, которые возводили и Ризоположенский монастырь, то есть, — Мамин, Шамаков и Грязнов.

Все в этом дивном храме необычайно своеобразное и вместе с тем — удивительно русское. Как ни в каком другом суздальском сооружении, здесь с поразительной силой соединились наиболее характерные особенности русского характера с исходной сущностью подлинного искусства.

Прежде всего, ясно чувствуется, что зодчие не ставили перед собою задачу удивить кого-то отвлеченно-безотносительной красотой храма, а видели свою цель именно в том, чтобы увековечить царственный облик могущественного покровителя христианской веры. Зримость этого облика достигается отнюдь не натуралистическими приемами, а посредством хорошо продуманной религиоз-

но-художественной символики, что конечно же является исконно русской традицией.

Особенности русского национального характера проявили себя также и в нетерпимости к каким-либо эстетическим излишествам, в настойчивом стремлении к строгой простоте. Поэтому внешний облик храма не имеет никаких членений — стены его спокойно-величественны и скромны в своей соразмерности с человеком. Вместе с тем в них чувствуется строгая законченность, что подчеркивается и умеренной высотой цокольной части с двойным кирпичным напуском по верхнему краю, и гладкими угловыми пилястрами, лишенными каких-либо каннелюр или рустов. Все просто и строго, что в понимании авторов и должно соответствовать подлинному величию.

Четырехскатная металлическая кровля также лишена каких-либо украшений, нет на ней ни угловых колоннок, ни парапетных тимпанов. Стройные подкупольные шейки, орнаментированные лишь продолговатыми, мечевидными долами, вырастают прямо с поверхности крыши и как бы влетают над нею. Основание центрального купола лишь немного шире угловых диаметром и выше их за счет подъема кровельного конька. Здесь та же пятикупольная символика, что и в Рождественском соборе Кремля, но размеры маковок рассчитаны так, чтобы расстояние между ними не создавало бы впечатления излишней стесненности, что несомненно символизирует духовную освобожденность веры, принесенной за землю сыном Божиим и переданной людям Его учениками — четырьмя евангелистами.

Особое внимание обращает на себя архитектурное оформление антаблемента. Высота его занимает примерно пятую часть высоты всего здания и почти половина его отведена карнизу, как бы составленному из множества множества тщательно подобранных драгоценных камней, по нижнему краю которых проходит полоса мурдюлонов, стилизованных под акантованные листочки. Фризная часть антаблемента представляет собою четко выполненный аркатурный пояс, подчеркнутый тремя строгими линиями неширокого архитрава. Таким образом, весь антаблемент напоминает собою богатую ленту царской диадемы. Богатство ее, выражающее отнюдь не роскошь единовластного властелина, а только — царственную силу власти, подчеркивается строгим величием ничем не украшенных стен. Поэтому весь храм внешне напоминает собою чистый и благородный лик, увенчанный традиционным знаком высокой власти и высочайшей мудрости витающего над ним христианского вероучения. Сходство это дополняется также формой сандриков над оконными проемами. Они явно стилизованы под форму царской кароны.

Все это тщательно продуманная стилизация, без какой-либо

претензии на украшательство, и орнаментики, и архитектурной детали, и целых частей здания как раз и является примером религиозно-художественной символики, посредством которой русские зодчие умели очень зримо выражать многие свои идеи, создавая при ее помощи самые разнообразные нужные автору, настроение у верующих людей, для которых и создавались ими их великолепные храмы. И видимо именно в этой символике таится неуловимая красота неповторимо-прекрасного облика каждого из них.

Интерьер Цареконстантиновского храма представляет собою не очень большое, но довольно простое помещение. Ощущения просторности создает весьма редкая для русской архитектуры его бесстолпная конструкция. Высокие своды потолка с плавной кривизной их поверхности устойчиво удерживает на себе довольно широкий барабан центрального купола. А внутренняя полость барабана создает ощущение устремленности всего помещения к небу. Несколько ничего не загроможденных и больших по площади оконных проемов обеспечивают хорошую освещенность храма. Все это и создает дорогое русскому сердцу ощущение свободы и простора светлого и ясного помещения.

Через несколько лет после сооружения храма, к его главному входу вместо паперты была пристроена широкая и светлая ротонда с портиком на двух дорических колоннах. И хотя ротонда была выполнена в стиле позднего классицизма, она удачно уравновесила собою общую композицию здания, имевшего с противоположной стороны широкий полукруглый алтарный придел.

В настоящий момент Цареконстантиновский храм, добросовестно отремонтированный и реставрированный, представляет собою живой осколок той активной религиозной жизни, которая некогда отмечала все монастыри и церкви древнего Суздаля.

Перед взором каждого входящего в храм предстает прекрасный, созданный более века тому назад владимирскими умельцами, резной иконостас. Слово вытканное из тончайшего золотого кружева, возвышаются ажурные и величественные царские врата. И в тон им подымаются до самых потолочных сводов несколько ярусов икон. Сколько невыразимой любви и высочайшего мастерства вложено в каждый орнамент, в каждую колонку или пилястрочку, в каждый сандрик или кронштейн! Вот уж действительно здесь собрано все самое лучшее, на что была способна русская творческая фантазия. Такое невозможно создать без самой искренней и безмерной любви к Богу.

В храме имеется икона-мошевик, стоящая отдельно от других, впереди с правой стороны, в большом резном киоте. На ней изображены суздальские святые, с именами которых связана далекая, но реальная история города. Здесь — епископы Феодор и Иоанн, а также — преподобный Евфимий, основатель Спасо-Преображен-

ского монастыря, и преподобная Ефросиния — вечная слава Ризоположенского монастыря. В небольших ячейках, вделанных в икону, свято хранятся крошечные частички подлинных мощей этих святых.

В храме восстановлена вся настенная живопись — старые фрески, наглядно изображающие отдельные эпизоды священного писания и основные этапы недолгой, но подвижнической жизни Иисуса Христа.

Одной из значительных достопримечательностей храма является редкостное по своему композиционному решению и неповторимо-прекрасное по исполнительской манере изображение Голгофы. Это очень своеобразное произведение искусства — полукартина, полумакет — зримо воссоздает трагический финал бездумного злодеяния, учиненного фарисеями по решению Понтия Пилата над смиренным Сыном Божиим. Здесь мы видим не две фигуры, как обычно было принято изображать на картинах подобного содержания, а три: Мать Божия, святой апостол и евангелист Иоанн Богослов и с ним юная приверженица Христа Мария Магдалина.

Работа выполнена с потрясающей силой мастерства и с глубочайшим пониманием сути христианского вероучения. Это действительно — произведение подлинного искусства, выполненное безмянным живописцем в час высочайшего вдохновения. Он очень живо воссоздает полное трагического драматизма событие, незабвенное для каждой верующей души. Полная безутешной скорби Мать Божия бессильно преклонила колени над распростертым телом любимого сына, а рядом — возлюбленный ученик Христа и беззаветно преданная Учителю, онемевшая от ужаса, Мария Магдалина. Впечатление от этого произведения неизгладимо. Оно долго не покидает посетителя даже после ухода из храма.

Великолепная акустика храма. Даже вполголоса произнесенное слово четко разносится по всему интерьеру. Как оказывается, такая акустика достигалась установкой в определенных местах стен особых резонаторов, или, как их называли в старину — «голосниками». Это — удивительно простое и вместе с тем необычайно мудрое изобретение русского ума. Достаточно емкие и хорошо обожженные глиняные сосуды вмазывались на необходимом уровне в стены так, чтобы от них оставались лишь малоприметные отверстия, и от этого человеческая речь внутри здания, или пение, становилось более звучным и более четким. А исполнителю и читалось и пелось гораздо легче, почти без напряжения.

Достаточно хотя бы один раз посетить такой храм, этот действительно живой осколок неподдельно-подлинной религиозной жизни русского народа, как сразу начинаешь совершенно отчетливо понимать, что внешняя красота православных храмов, любоваться которой приезжают многие посетители Суздаля, сама по себе все

же мертва. Она обретает свою подлинную силу и непреходящее значение лишь в том случае, когда начинает выполнять свое прямое назначение. Также отчетливо начинаешь понимать, что и создавалась эта красота вовсе не для досужего любования. В ней выражалось высочайшее благоговение русской души перед непостижимым величием вечности. В своеобразно-самобытной и поразительной красоте православных храмов на века застывала неподдельная в своей искренности красота человеческих чувств, вызванных этим благоговением. И если нам действительно дороги вековые традиции и чаяния нашего народа, то, видимо, нам следует с особой бережностью и почитанием относиться к этому благоговению наших далеких предков.

Никто из нас не возник из ничего. Все мы — дети своих родителей, своих отцов, дедов и прадедов. И в каждом из нас генетически-неискоренимой частицей живет все то, чем были духовно богаты все наши предки. Все, что мы знаем сегодня, что мы способны понять и что составляет первооснову нашего разума и все его потенции в будущем, — все это выросло из неопенимого наследия наших далеких предков. И чем лучше, чем доскональнее разберемся мы в том, как и чем жили эти удивительно талантливые и понастоящему мудрые люди, тем шире и могущественней может оказаться и наш разум, и наш житейский кругозор.

Потому-то и говорят, что даже завтрашний день истории, как живая почка на дереве, закладывался в ее вчерашнем дне. Поэтому не только грешно, но и преступно отмахиваться от вчерашнего дня национальной истории, преступно истолковывать его иначе, нежели его понимали его современники. Каждый минувший день как и каждый минувший век нужно досконально и бережно изучить, чтобы всем своим существом проникнуться глубочайшим смыслом и значением его номинального содержания. Это необходимо и нам самим, чтобы не растерять гордое достоинство нашей русской души и неизмеримое богатство нашей национальной культуры, но еще больше это необходимо нашим детям и нашим внукам, чтобы не утратить своего национального корня и не раствориться в безродном легкомыслии легко меняющейся моды.

Духовная сила человека и его нравственное величие немислимы без гордого чувства подлинного патриотизма. А такое чувство немисливо без внутреннего сознания своей неразрывной связи с национальной культурой всего народа.

Памятники безмолвны без хорошего знания и без ясного понимания их исторической значимости. А история безлика без памятников вековой культуры. Сохранить и то и другое в первозданной чистоте и неподдельности — наш неотъемлемый долг и наша вели-

чайшая ответственность перед всеми нашими потомками. Исполнение этого долга и этой ответственности как раз и служат бессмертные произведения нашей национальной старины. Именно в этом и только в этом состоит все их глубочайшее значение и их неизмеримая историческая ценность.

Архимандрит ВАЛЕНТИН.

1987 г.
г. Суздаль

